

81.2 Нем
Р 951

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

РЫЖКЕВИЧ Ольга Евгеньевна

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ СТАТУС КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.04 – германские языки

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск – 1991

Работа выполнена в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков.

Научный руководитель - кандидат филологических наук,
и.о. профессора Т.С. ГЛУШАК

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор Н.О. ГУЧИНСКАЯ
кандидат филологических наук,
профессор Б.А. АБРАМОВ

Ведущая организация - Тбилисский государственный
педагогический институт
иностранных языков

Защита состоится "18" декабря 1991 г. в "14"
часов на заседании специализированного совета Д.056.06.01 по
приоуждению ученой степени доктора филологических наук при
Минском государственном педагогическом институте иностранных
языков по адресу: 220034, г. Минск, ул. Захарова, 21.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Минского
государственного педагогического института иностранных языков.

Автореферат разослан "14" ноября 1991 г.

И.о. ученого секретаря
специализированного совета,
доктор филологических наук,
профессор

А.А. Метлюк

А.А. МЕТЛЮК

Объектом исследования в данной работе является категория субъективной модальности, по-разному трактуемая современными лингвистами: широко, как выражение любого оценочного отношения, или узко, как определенное отношение говорящего к достоверности высказывания. Когда субъективную модальность трактуют расширительно, с ее выражением связывают и средства, способные передавать эмоциональность, образность, аффирмативность высказывания и т.д. При узкой трактовке эти категориальные значения из субъективной модальности исключаются, а среди средств выражения главный упор делается на модальные слова. В немецком языке перечень средств дополняется еще модальными глаголами, футуральными формами, рядом не подлинно модальных глаголов, соответствующими предложно-субстантивными конструкциями, модальными частицами и др.

В диссертации субъективная модальность трактуется как функционально-семантическая категория, служащая воплощению оценки со стороны говорящего степени достоверности передаваемой информации. Она отграничивается от категорий эмоционально-экспрессивной оценочности, аффирмативности и др., тем самым в основу исследования кладется узкая интерпретация этой категории.

Само исследование относится к разряду тех диссертаций, целеустановку которых составляет функционально-коммуникативное изучение языковых явлений, т.е. их рассмотрение в аспекте динамики языка, а точнее — его функционирования в различных контекстах реализации. Именно фактор контекстной реализации приобретает первостепенную значимость для подхода к такой сугубо содержательной, коммуникативно-смысловой категории, каковой признается субъективная модальность. Речь идет о смысловом контексте, наличием которого, по утверждению лингвистов, открывается "вход в прагматику" /Арутюнова, Падучева 1985:7/ для любой языковой еди-

ницы. В этой связи и единицы-конституенты субъективной модальности отчетливее воспринимаются и осмысливаются в рамках единств, являющихся микротекстами, или относительно законченными текстовыми фрагментами с цельной структурной организацией и собственным тематическим стержнем – микротемой. Они и заключают в себе специфический смысловой контекст.

Но общая ориентация исследования на языковую динамику, иначе говоря "на процесс", не только не исключает, а скорее предлагает опору "на систему", системно-парадигматическое устройство языка, того его участка, который связан с наблюдаемыми явлениями в рамках объекта и подлежит углубленному изучению. В системе языка категория субъективной модальности имеет своих репрезентантов в виде единиц, форм, конструкций, структур, расположенных на различных уровнях парадигматической иерархии. Адекватным способом моделирования категории в таком ее виде представляется функционально-семантическое поле, которое и помещается в центр диссертационного анализа.

Все существующие описания позволяют принять за доминанту поля в немецком языке модальные слова, тем самым отнеся их к его ядру. Вводные модальные предложения, безличные модальные предложения в структуре сложных, субъективно-модальные парентезы, эпистемические предикаты, предложно-субстантивные модальные конструкции, как бы подпирающие ядро, заполняют зону центра поля субъективной модальности (ПСМ). Периферийная зона поля заполняется модальными частицами, аналитическими глагольными конструкциями типа модализатор (модальный глагол) + инфинитив и футуральными формами.

Более конкретные задачи изучения фактического объекта, каковым становится ПСМ, заключаются в следующем:

построение модели поля функционально-семантической катего-

рии субъективной модальности;

выявление микрополей, соотносимых с группами конститuentов ПСМ;

установление показателей частотности различных конститuentов ПСМ в рамках общей выборки материала;

изучение главных аспектов текстообразования — общекогезионного, позиционно-структурного, рекуррентного — сквозь призму значимости для их воплощения конститuentов ПСМ;

особое освещение в русле анализа прагмакоммуникативного потенциала категории субъективной модальности.

А к т у а л ь н о с т ь диссертации состоит в том, что статус субъективно-модального отношения в формировании высказывания и текста в немецком языке раскрывается и обосновывается сквозь призму связи семантики и прагматики, признаваемых современной лингвистикой в качестве двух взаимодействующих конститuentов коммуникативного смысла высказываний.

Н о в и з н а диссертации определяется общим функционально-коммуникативным подходом к изучению объекта и как следствие такого подхода — выявленными закономерностями функционирования разноуровневых конститuentов ПСМ в разнообразных контекстах употребления. Моментом особой новизны правомерно считать полученные сведения о характере актуализации текстообразующих потенциалов субъективной модальности в условиях художественного текста.

О с н о в н ы е р е з у л ь т а т ы работы суммарно сводятся к следующему: во-первых, определены и систематизированы средства выражения категории субъективной модальности в немецком языке; во-вторых, выстроена на их основе модель поля функционально-семантической категории субъективной модальности (ПСМ); в-третьих, прослежено участие конкретных конститuentов ПСМ в построении текстовых фрагментов в общекогезионном, пози-

ционно-структурном, рекуррентном аспектах текстообразования; в-четвертых, особо освещен прагмакоммуникативный потенциал категории субъективной модальности.

Достоверность результатов гарантируется достаточно большим объемом материала, на базе которого выполнялась работа (показания 9 словарей и выборка в 2500 микротекстов с общим цифровым показателем встречаемости конститuentов ПСМ в микротекстах - 6304), а также самой методикой исследования, в основе которой находится сочетание ряда адекватных методов лингвистического анализа.

Методами исследования, используемыми для решения перечисленных задач, служат: анализ словарных дефиниций; моделирование внутриклассных системных отношений; компонентный анализ значений; контекстуальный семантико-стилистический анализ и др.

Материалом исследования явились текстовые фрагменты (микротексты), отобранные из произведений художественной литературы современных немецких писателей. Всего подвергнуто анализу 2500 микротекстов. Исходный же список модальных слов и частиц устанавливался на базе 9 словарей немецкого языка.

Теоретическая значимость результатов исследования связана с тем, что они способствуют более точному осмыслению неоднозначно трактуемой лингвистами категории субъективной модальности и пониманию особого прагмакоммуникативного статуса этой категории, а также ее текстообразующих возможностей в немецком языке.

Практическое значение диссертации усматривается в возможности использования для учебного процесса ее материала и выводов в целях более углубленного изучения тем по практической и теоретической грамматике немецкого языка, касающихся проблематики модальных слов, частиц, модальных гла-

голов и других средств выражения модальности. Результаты работы применимы в практике на занятиях по стилистике и интерпретации художественного текста, они могут быть включены и в тематику научно-исследовательской работы со студентами.

Композиция работы образует Введение, Глава I "Теоретическое обоснование функционально-семантической категории субъективной модальности в немецком языке и подхода к ее исследованию", состоящая из трех разделов, Глава II "Функционально-семантическое поле субъективной модальности (ПСМ) в текстово-реализационном плане", состоящая из четырех разделов, и Заключение.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Модальный план высказывания (микротекста) формируется с одной стороны, объективной модальностью в качестве неперменной и постоянной его характеристики, с другой стороны, субъективной модальностью, представляющей собой оценку говорящим содержания высказываемого по критерию его достоверности.

2. Категория субъективной модальности реализуется совокупностью разноуровневых средств выражения, которые, взаимодействуя друг с другом, формируют единое пространство функционально-семантического поля субъективной модальности.

3. Смысловая градация заложенных в парадигматике субъективной модальности потенциалов способна раскрываться лишь в текстовом объеме, когда актуализацией потенциалов обуславливается развертывание модально-когезионных линий текстообразования.

4. Конституенты поля субъективной модальности участвуют с ярко выраженной спецификой в структурно-композиционном связывании текстовых фрагментов (микротекстов), демонстрируя, в силу самой специфики своих значений, многообразную вариативность смысловых нюансов и тем самым влияя на формирование как общей

семантики текста, так и, главным образом, ее прагмакоммуникативного аспекта.

С о д е р ж а н и е д и с с е р т а ц и и .

В лингвистической литературе последних десятилетий весьма отчетливо сформировалась концепция двух видов модальности — модальности объективной (онтологической) и модальности субъективной (персуазивной). Различие между ними касается не только роли в формировании предложения-высказывания, о чем уже шла речь, но и предопределяющей эту роль денотативной отнесенности: для объективной модальности денотатом является внешний мир с его реально существующими связями и отношениями, тогда как для субъективной модальности денотат заключен в мироосмыслении и вкладываемой в это интенциональной установке говорящего. Субъективная модальность и есть поэтому с точки зрения структуры предложения-высказывания отношение говорящего к ядру мысли, воплощаемому субъектно-предикатной связью. В отношение входит широкий спектр оценочных оттенков, модифицирующих на коммуникативно-смысловом уровне содержание ядра в диапазоне от проблематической до категорической достоверности, т.е. по различным степеням реальности передаваемой информации. Но сама эта реальность существует в преломленном виде, т.е. предопределяется, как сказано, личной оценкой связей объективной действительности говорящим.

Что касается плана выражения субъективной модальности, то для его конституирования в языке существуют разноуровневые средства, в первую очередь элементы (единицы) уровня лексики. С ними взаимодействуют в различных случаях и по-разному единицы уровней синтаксиса, морфологии.

Уже указывалось на то, что на лексическом уровне в качестве наиболее типичного средства выражения субъективной модальности в немецком языке выступают модальные слова типа *gewiß*,

natürlich, wahrscheinlich, sicher и др. Независимо от их положения в составе предложения-высказывания, эти единицы дают оценку предикации в целом. В список модальных слов вошли в диссертации 129 единиц, хотя этот список не следует считать окончательным, т.к. он может быть и сокращен и пополнен. Роль семантически связующего фактора для всех единиц списка выполняет значение достоверности высказывания, а по нему уже проходит линия дифференциации двух групп модальных слов: группы со смысловым стержнем "категорическая достоверность" и группы со смысловым стержнем "проблематическая достоверность". Остальные слова располагаются между ними по оттенкам сближения с одним или другим полюсом, что формирует в целом шкалу субъективно-модальных смысловых оттенков.

Характерным лексическим средством выражения субъективной модальности служат также модальные частицы. Определение состава модальных частиц производится, как и в случае модальных слов, с опорой на лексикографические источники. Значение частицы сравнивается со значением модального слова, и если они оказываются идентичными, это служит сигналом признания частицы в качестве модальной. В список модальных частиц включаются 6 единиц (auch, denn, doch, eben, ja, schon), и еще две выделяются как предположительно модальные (aber, nun).

Субъективную модальность способны выразить далее некоторые субстантивные конструкции типа: aller Wahrscheinlichkeit nach, mit großer Wahrscheinlichkeit, dem (allem) Anschein nach, kein Zweifel, meines Erachtens, nach meiner Ansicht и др. И по содержанию, и синтаксически они близки модальным словам, передавая то, как говорящий оценивает отраженное в предложении положение вещей относительно степени его достоверности.

Реализаторами субъективной модальности регулярно выступают

модальные глаголы, хотя гамма передаваемых ими в этом плане стенок не столь разнообразна, как у модальных слов. Вообще это средство выражения субъективной модальности в принципе неоднозначно: модальные глаголы существуют прежде всего для выполнения основной функции – выражения объективной модальности. Именно эту их функцию немецкие лингвисты называют "модификацией", т.е. реализацией указания на отношение субъекта предикации к самому предикату. Выражение же модальными глаголами субъективной модальности именуется у них "модализацией", или реализацией точки зрения говорящего на достоверность высказывания. В интерпретации советских и чешских лингвистов, функции обозначаются иначе – как первичная и вторичная. При выполнении первичных функций модальными глаголами задается объективная для высказывания ось отношения, в которую включаются грамматический субъект и предикат. При выполнении вторичных функций модальные глаголы только формально-грамматически относятся к субъекту, тогда как по существу отражают позицию говорящего относительно связи между субъектом и инфинитивом. В этом случае модальные глаголы обладают большей прагматической силой чем в первом.

Вполне определенным субъективно-модальным значением обладают и некоторые глаголы с модальной семантикой, такие как: *ahnen*, *annehmen*, *behaupten*, *denken*, *glauben*, *hoffen*, *meinen*, *scheinen* и др. Например, глагол *scheinen* и семантически близкие к нему глаголы *vorkommen*, *aussehen* приносят в содержание "характер некоторого сомнения, неуверенности в реальности той связи между понятиями, которая выражена в предложении" /Аджони 1955:174, 175/. Их, как и ряд других, называют еще глаголами с семантикой мнения /Утешникова 1988:9/. В конкретных предложениях-высказываниях они и выступают в роли эпистемических предикатов, т.е. средства синтаксического уровня. По существу это предикаты вто-

рого порядка, поскольку они не только заключают в себе определенный семантический признак, распространяющийся на весь микро-текст, но одновременно и модифицируют данный семантический признак прибавлением к нему той или иной субъективно-модальной оценки.

Наряду с простыми эпистемическими предикатами, язык использует составные глагольные эпистемические предикаты, т.е. конструкции глаголов модальной семантики *glauben, meinen, scheinen* и др. с *zu*+Infinitiv. Эти конструкции прямо связывают со значением субъективной модальности, например, норвежский исследователь О.Аскедал /см. Askedal 1982/ и немецкий ученый П.Айзенберг /см. Eisenberg 1986:373/. В немецкой лингвистической литературе для подобных образований существует название "когерентные инфинитивные конструкции", подчеркивающее их спаянный характер.

Составные эпистемические предикаты способны выступать и как именные, когда в них употребляются глаголы с модальной семантикой *scheinen, halten für, nehmen für, denken, sich (D) vorkommen, glauben* и именной частью (предикативом), выражаемой чаще всего прилагательным, адъективированным причастием II или наречием. При этом конструкция с *scheinen* включает в себе более или менее уверенное предположение, в зависимости от контекста, конструкции же с *denken, sich vorkommen* и *glauben* передают достаточно высокую степень уверенности в достоверности высказываемого.

Субъективно-модальный смысл в цельных структурах реализуют вводные модальные предложения, также за счет присутствия в них уже упоминавшихся глаголов с модальной семантикой (*glauben, meinen, annehmen, vermuten* и др.) /см. Адмони 1955:175/. Эти предложения идентифицируют определенное отношение говорящего к

объективному положению дел, отраженному в придаточной части предложений. А дополняют их состав такие вводные обороты как *es ist möglich, es ist wahr, es ist anzunehmen, es ist zweifellos, es ist wahrscheinlich, es ist klar* и др.

На морфологическом уровне субъективную модальность в немецком языке весьма регулярно выражают футур I, II, осуществляющие фактически транспозицию временных форм в поле субъективной модальности. Как заметил по этому поводу В.Г. Адмони, временное значение формы будущего времени составляет естественную основу для модальных оттенков значения и употребления футура I и II /см. Адмони 1972:193/. На семантической шкале футур I и футур II находятся между глаголами *müssen* и *dürfen*, передавая, в зависимости от контекста, то высокую степень уверенности, то предположительность /см. Raynaud 1976:233, 234/.

Вышеизложенным очерчен основной состав средств выражения субъективной модальности в немецком языке, образующий базисную основу для того, чтобы прибегнуть к моделированию, т.е. выстраиванию на этой основе поля субъективной модальности. Модель поля как способ общего представления категории строится на последующем этапе диссертационного анализа. При самом моделировании осуществляется показ в семантике поля ее многоуровневой организации, с определением различных типов субкатегориальных значений. Главные значения сконцентрированы в сердцевине, или ядре поля, вокруг же ядра группируются значения, располагающиеся по признаку убывания их субъективно-модального потенциала в направлении от центра к периферии поля.

Периферию поля конституируют средства выражения субъективной модальности, у которых сема со значением достоверности высказывания носит сопутствующий, субординативный характер, а доминируют семантические признаки других категорий. В силу такой

неоднозначности периферийных конститuentов явственно проступают точки пересечения ПСМ с полями темпоральности, эмоционально-экспрессивной оценочности и объективной модальности.

Само поле субъективной модальности объединяет в себе три микрополя, в соответствии с тремя обобщенными степенями уверенности говорящего, принятыми для анализа. На уровне микрополей просматривается связь ПСМ с полем утверждения-отрицания, а также с полем вопросительности. Общая модель поля приобретает по результатам моделирования следующий вид: (см. стр.12).

Продолжение диссертационного анализа подчиняется уже целиком главной задаче исследования – выявлению сквозь призму текстообразования функционально-коммуникативного потенциала ПСМ, а значит всей категории субъективной модальности. В условиях текста происходит не механическое складывание реализуемого потенциала из разрозненных смысловых признаков, а интеграция последних, т.е. субъективно-модальных значений высказываний в некоторую последовательно развертывающуюся нюансировку содержания текстового фрагмента. Идет количественно-качественное развитие отношенческой позиции говорящего, в диапазоне которой субъективно-модальная оценка, присутствующая в одном высказывании, иррадируется на другие высказывания в проспективном и ретроспективном направлениях, переоформляясь таким путем в когезию субъективной модальности текста.

Данный этап анализа осуществляется на базе художественных текстов и требует расчленения на подэтапы, поскольку само понятие употребления языка в ракурсе текстообразования, тем более в условиях художественного текста, беспредельно и должно быть каким-то образом уточнено. Вычленяемые подэтапы становятся как раз сигналами уточнения, указывая на те аспекты текстообразования, которые и избираются в качестве ориентиров. Такими ориенти-

рами становятся: проявление компонентами ПСМ (и категорией в целом) общекогезионных свойств; реализация прагмакоммуникативного потенциала начальной и конечной позиций функционального размещения компонентов ПСМ; наращивание текстообразующих свойств конституентов ПСМ в связи с рекурренцией.

В соответствии с первым избранным ориентиром проявляется, что потенциал общекогезионных свойств категории реализуется преимущественно в виде палитры смысловых нюансов, которые способны усиливать, ослаблять, или уравнивать друг друга, т.е. многообразно варьировать субъективно-модальное отношение, вызывая ту или иную окраску прагмакоммуникативного эффекта. Особенно весомым проявление этого потенциала оказывается при дистантности связей, когда реализацией единой линии субъективной модальности охватываются несколько микротекстов, не находящихся в непосредственном контакте. На линии реализации образуются как в формальном (репрезентационном), так и в семантическом отношениях целые комплексы разноуровневых средств выражения, порождающие, среди прочих эффектов, и взаимодействие категорий субъективной и объективной модальности, субъективной модальности и времени, субъективной модальности и отрицания/утверждения, субъективной модальности и экспрессивности и др. В подобном взаимодействии следует усматривать не особые случаи, а подлинную суть функционирующего языка.

Иллюстрацией к сказанному может служить нижеприводимый фрагмент текста, вообравший в себя сложное переплетение значений и средств передачи субъективной модальности, которое вписывается в общее развитие когезионной линии:

Wieso ist der auf mich verfallen, dachte Fiedler. War mir denn überhaupt noch was anzumerken? Ja, Fiedler - Fiedler, du

hast so lang und so gut auf dich achtgegeben, daß man dir ja nichts anmerkt, bis auf einmal das nicht mehr da war, was man dir nicht anmerken sollte. Es war erloschen. Somit war wirklich keine Gefahr mehr, dir etwas anzumerken. Aber es muß doch etwas geblieben sein, sagte er zu sich selbst, trotz aller Vorsicht, ohne deine Absicht. Es ist geblieben, und der Röder hat's gespürt.

...

Aber so schlimm kann's doch auch wieder nicht mit mir ge- worden sein - so schlimm nicht. So ganz stur und stumpf bin ich doch nicht geworden, und ich gehöre auch noch immer dazu, denn der Paul hat mich ja herausgefunden. Ich finde auch meine Leute wieder. ...

/Seghers, S.305/

Субъективно-модальная линия смыслового содержания начинается с нюансов сомнения, возникающих благодаря ощущаемым моментам интонации и модальной частице denn. Затем сомнение рассеивается, что обеспечивает частица ja с семантикой уверенности. А модальное слово wirklich уже несет в себе твердую уверенность отправителя информации, подытоживая логический ход мысли. В последующем степень достоверности поднимается до высокой, выражаясь конструкцией müssen + инфинитив II и частицей doch. В тексте данное субъективно-модальное отношение подхватывается и усиливается за счет стилистического приема - синтаксического параллелизма, хотя и в чередовании с модальной конструкцией können + инфинитив II. Включенное в однотипную структурную форму, субъективно-модальное отношение перекрывает объективно-модальный план информации, становясь доминирующим и репрезентируясь частицами doch и ja. В этой связи правомерным представляется утверждение о том, что синтаксический параллелизм создает эффект "ритмического возврата основного признака" /Glušak 1981:137/, как в

данном случае субъективно-модального признака "уверенность" в смысловой структуре контекста.

По второму ориентиру удастся установить, что признак позиции конституента ПСМ в микротексте оказывает активизирующее влияние на внутритекстовый фактор взаимодействия субъективно-модальных и стилистических (коннотативных) значений. Это согласуется с тем, что как в синтаксической стилистике, так и в стилистике текста признана и доказана особая роль начальной и конечной позиций, или зачина и концовки информационного фрагмента: в первом случае проявляется эффект выделения или выдвижения, сопрягающийся с экспрессией, эмоционализацией, а во втором случае в действие включается эффект акцентирования, усиленного подытоживания, что также сопрягается с экспрессией, эмоционализацией содержания. Компоненты ПСМ демонстрируют к тому же, в силу специфики своих значений, многообразную вариативность заполнения этих позиций и влияния тем самым на формирование общей семантики текстовых фрагментов по признаку ее прагмакоммуникативного аспекта. Далее следуют текстовые иллюстрации:

I. Hier wird der Bettler gestanden haben, ein alter Mann, Morkus gerufen, jeden Abend, um ein paar erbettelte Groschen ins Wasser zu werfen. Der See sollte sich über die Ufer heben. Er soll sich anstrengen, und er soll etwas dafür haben, Groschen für Groschen, er soll über das Ufer treten, das ist nicht leicht, und bis in die Straßen kommen und vor das große Haus, wo der Za-rengeneral wohnt, ...

/Bobrowski, S.44/

Как видно, субъективно-модальный смысл, воплощаемый конструкцией *wird gestanden haben*, сразу выносится на первый план, чтобы привлечь внимание адресата. Эффект усиливается еще и особым способом подачи информации в начальном предложении, а именно: она дозируется как бы сегментобразно, отдельными порциями,

каждая из которых представляет собой обособленную структуру. В общем контексте содержания фрагмента довольно легко расшифровывается коммуникативное намерение отправителя информации — возвести в доминантный смысл именно предположительную достоверность события, а не его абсолютную реальность, что подкрепляет и многократное параллельное употребление глагола *sollen* в значении предположительности.

2. Hermann sagte: "Na, man muß abwarten. Manchmal denke ich, daß es doch noch mit dem Darlehen klappt. Sie haben es doch nicht offiziell abgelehnt. Vielleicht müßte man noch mal vorstellig werden?"

Anna lehnte am Regal. Diesmal sagte sie: "Ich habe nicht viel Hoffnung. Die Werkstatt wirst du wohl aufgeben müssen."

/Brüning, S.190/

В конечной позиции, как видно, употреблены футур I глагола *müssen* + инфинитив глагола *aufgeben* и модальное слово *wohl*. Субъективно-модальный смысл достаточно высокой степени уверенности говорящего подытоживает весь предыдущий разговор, являясь его логически итоговой оценкой, которая тут же обеспечивает адресату прогнозирование последующей информации.

Прослеживается еще и некоторая избирательность средств выражения, а также значений субъективной модальности к той или другой позиции. Так, при общем абсолютном преобладании в обеих позициях модальных слов, для конечной позиции более характерно присутствие модальных частиц, чем для начальной позиции; в конечной позиции чаще реализуются значения высокой и средней степени уверенности говорящего в достоверности содержания, тогда как в начальной позиции преимущественно выражаются в разных оттенках значения предположительности, затем несомненности. А из конститuentов поля, например, нередко представленными в началь-

ной позиции оказываются эпистемические предикаты, что не фиксируется в такой мере для конечной позиции.

Третий избранный ориентир осуществления данного этапа анализа раскрывает связь функционирования категории субъективной модальности с универсально-текстовым механизмом рекуррентности, направленным на достижение тематического единства текста или его фрагмента – микротекста. Вовлеченность в рекуррентность предметных по семантике слов означает усиление денотации, точнее кореференции, с которой соотносится во внешней структуре текста феномен повторной номинации. Вовлеченность же в рекуррентность единиц-конституентов ПСМ свидетельствует об усилении не денотации, а сигнификации за счет количественного наращивания признаков в объеме некоего выражаемого отношения субъективной модальности. Это влечет за собой и усиление прагмакоммуникативного воздействия на адресата информации. Тем более значимым является тот факт, что рекуррентность в большинстве случаев распространяет свое действие за пределы микротекста, т.е. охватывает несколько микротекстов. А совершенно особое повышение прагмакоммуникативного эффекта рекуррентности возникает в результате сопряжения субъективно-модальных значений с разнообразными коннотативно-стилистическими значениями, внутритекстовый удельный вес которых зависит, в частности, и от вида повтора. Например:

Vielleicht war es das Pferd im Stall gewesen, die Schimmelstute, das Lieblingstier des alten Hackendahl: Es lieb pausenlos die Halfterkette durch den Krippenring rasseln und schlug, sein Futter fordernd, unablässig mit dem Huf gegen das Stallpflaster.

Vielleicht aber war es auch die erste fahle Dämmerung gewesen, die mit ihrem grauen Schein das hellere Mondlicht abgelöst hatte - vielleicht hatte der über Berlin grauende Morgen

den alten Hackendahl geweckt.

Vielleicht aber hatten weder Lieblingstier noch Morgendämmerung Hackendahl so früh wach gemacht, um drei Uhr zwanzig, am 29. Juni 1914 - sondern etwas sehr, sehr anderes...

/Fallada, S.9,10/

Модальное слово *vielleicht* в абсолютном начале микротекста сразу обращает на себя внимание, а далее, включаясь в анафорический повтор, уже воздействует на воспринимающего текст и в качестве особого стилистического приема. Textoобразующие потенции реализуются при этом таким образом, что, появляясь каждый раз, *vielleicht*, во-первых, иррадирует свой модально-предположительный смысловой потенциал на посттекст, во-вторых, ритмизированным образом осуществляет возврат к предыдущему абзацу, а в целом связывает все абзацы в единый смысловой комплекс.

С точки зрения видов повтора средства выражения субъективной модальности не испытывают каких-либо ограничений на участие в них, т.е. они выступают на когезионных линиях прямого (абсолютного) повтора, повтора варьированного, синонимического, рамочного, усложненных структур повтора в рамках синтаксического параллелизма и др. В общем диапазоне реализации всех этих видов повторяемости компоненты ПСМ проявляют целый спектр своих вариативно-смысловых потенций, согласующихся со смысловыми контекстами и с авторской интенцией.

Своеобразное выстраивание линии повтора с усложненной структурой смысловых нюансов отражает нижеследующий фрагмент текста:

Er mußte weg von hier. Seine Mutter war sicher bewacht. Die Frau, die Elli, die seinen Namen hatte, war sicher bewacht. - Ein jeder konnte bewacht sein, der je in dieser

Stadt ein Steinchen in sein Leben hineingesetzt hatte. Bewacht waren seine paar Freunde, und seine Lehrer konnten bewacht sein und seine Brüder und seine Liebsten. Ein Fangnetz die ganze Stadt. Er lag schon drin. /Seghers, S.186/

Здесь в единую субъективно-модальную цепочку входит модальное слово *sicher*, повторяемое дважды, в конструкции статива, модальный глагол *können* в конструкции с той же стательной формой. Под воздействием значения высокой степени уверенности, задаваемого модальным словом *sicher*, и олагодаря его проспективному разворачиванию повышается степень уверенности и в значении модального глагола *können*. Здесь *können* воспринимается как контекстуальный синоним *sicher*, хотя обычно этот глагол передает среднюю степень уверенности, чаще с сомнением, в достоверности высказываемого. Подобная плотность субъективно-модального фона надежно цементирует микротекст, а стилистический прием климаса - средства нагнетания смыслового звена, вместе с функцией обобщения, предельно повышает прагмакоммуникативную значимость всего сообщения.

Данная субъективно-модальная линия появляется затем через двадцать две страницы в виде новой серии повторов:

Gut, ein Mädchen hat mich nicht aufgenommen. Was besagt das schon? Es muß noch andere geben. Meine Familie, Mutter, Bruder? Unmöglich - alle bewacht. Elli, die mich damals besucht hat. Unmöglich - sicher bewacht. Werner, der mit mir im Lager war? Auch bewacht. Der Pfarrer Seitz, der Werner geholfen haben soll, als er rauskam - unmöglich, höchstwahrscheinlich bewacht. Wer kann von Freunden noch da sein?

/Seghers, S.208/

Здесь имеет место возврат к той же микротеме, и при общей "реанимации" первоначальной субъективно-модальной линии происхо-

дит ее усложнение и разветвление за счет других смысловых нюансов, чем обеспечивается наращивание прагмакоммуникативного потенциала. Так, поначалу с помощью конструкции *müssen* + инфинитив I задается тональность высокой степени вероятности, которая, однако, далее погашается трехкратным повтором модального слова *unmöglich* в значении полной неуверенности. Именно этот элемент смысла прагматически выдвигается, чему способствует не только повтор: во-первых, *unmöglich* употребляется в эллиптических предложениях, уже по своей природе прагматически ориентированных; во-вторых, нарастание сомнения контрастно оттеняется параллельным ростом уверенности за счет усиленного значения модального слова *höchstwahrscheinlich*.

На этом примере отчетливо видно, как "точечные" напряжения, вызываемые отдельными компонентами повтора, своеобразно прочерчивают единую линию, которая, подобно оси, пронизывает весь микротекст. Сама же ось не только скрепляет текст, но и продляет предыдущую дистантно расположенную субъективно-модальную линию, попутно оттеняя прагматически важные участки в развитии общей сюжетной канвы.

Таким образом, можно считать, что установленные в ходе анализа особенности в полной мере оправдывают отнесение субъективной модальности к коммуникативно обусловленным категориям, чему отвечает и ее нечеткий парадигматический статус, в сравнении, например, с четко очерченным статусом категории объективной модальности, опору которой образует грамматическая оппозиция. Далее можно сделать более широкий вывод и о том, что в общей парадигматике немецкого языка категории субъективной модальности принадлежит периферийное место, т.к. ей не определяется структурное "лицо" языка. Вместе с тем результат работы, как и опыт других исследований, позволяет утверждать следующее: явления

периферии языковой системы демонстрируют, как правило, многообразную вариативность в функционировании языка: "...будучи узкозначимой по системно-парадигматическому статусу, категория ... предстает широкозначимой с точки зрения аспектов и возможностей ее функциональной реализации"/см. Федорова 1982:169/.

Выполненное диссертационное исследование открывает некоторые перспективы для дальнейших разискианий, а именно: во-первых, представляется целесообразным произвести сопоставительный анализ категории субъективной модальности на базе разнотипных текстов, т.е. в соответствии с концепцией функциональных стилей; во-вторых, заслуживающей специального углубленного исследования правомерно считать проблему синонимии-антонимии средств выражения субъективной модальности; в-третьих, недостаточно освещенным в достаточной мере, а поэтому нуждающимся в изучении является вопрос пересечения поля субъективной модальности с другими полями, как и вообще проблема взаимодействия полей различных категорий в парадигматике и функционировании языка.

А п р о б а ц и я теоретических положений и конкретных выводов диссертации осуществлялась в форме обсуждений на кафедре грамматики и истории немецкого языка Минского ГПИИЯ, докладов на научных конференциях МГПИИЯ (итоговые конференции за 1985, 1986, 1989 гг.), публикаций.

Основные положения диссертации получили отражение в следующих публикациях:

I. К вопросу о сути и средствах выражения категории субъективной модальности в немецком языке // Проблемы функционально-коммуникативного изучения языка. - Минск, 1986. - 6 с. - Рук. деп. в ИНИОН СССР № 24836 от 14.04.86 г.

2. О сущности и аспектах разграничения видов модальности // Вопросы романского и германского языкознания. - Минск, 1988. - 8 с. - Рук. деп. в ИНИОН СССР № 35405 от 1.09.88 г.

3. Проблемные вопросы обоснования видов модальности // Функционирование и развитие языковых систем. - Минск: Вышэйшая школа, 1990. - С.21-25 (в соавторстве).

4. Полевой принцип организации категории субъективной модальности в немецком языке // Лингвометодические аспекты обучения иностранному языку в неязыковом вузе / Тез. докл. Всесоюз. научно-практич. конференции. - Пенза: Пензенский политехнич. ин-т, 1990. - С.81-83.

5. О текстообразующих свойствах субъективно-модального компонента высказывания // Материалы научной конференции Минского госпединститута иностранных языков по итогам научно-исследовательской работы за 1989 год (12-13 апреля 1990 года) / Тез. докл. - Минск: Минский гос. пед. ин-т иностр. яз., 1990. - С.104-107.

297

Подписано к печати 04.10.91 г. формат 60x84 1/16.Уч.-изд.л.1,0.
Усл.печ.л.1,39. Тираж 100 экз. Зак. № 1150.
Отпечатано на ротапринте треста "Оргдорстрой".